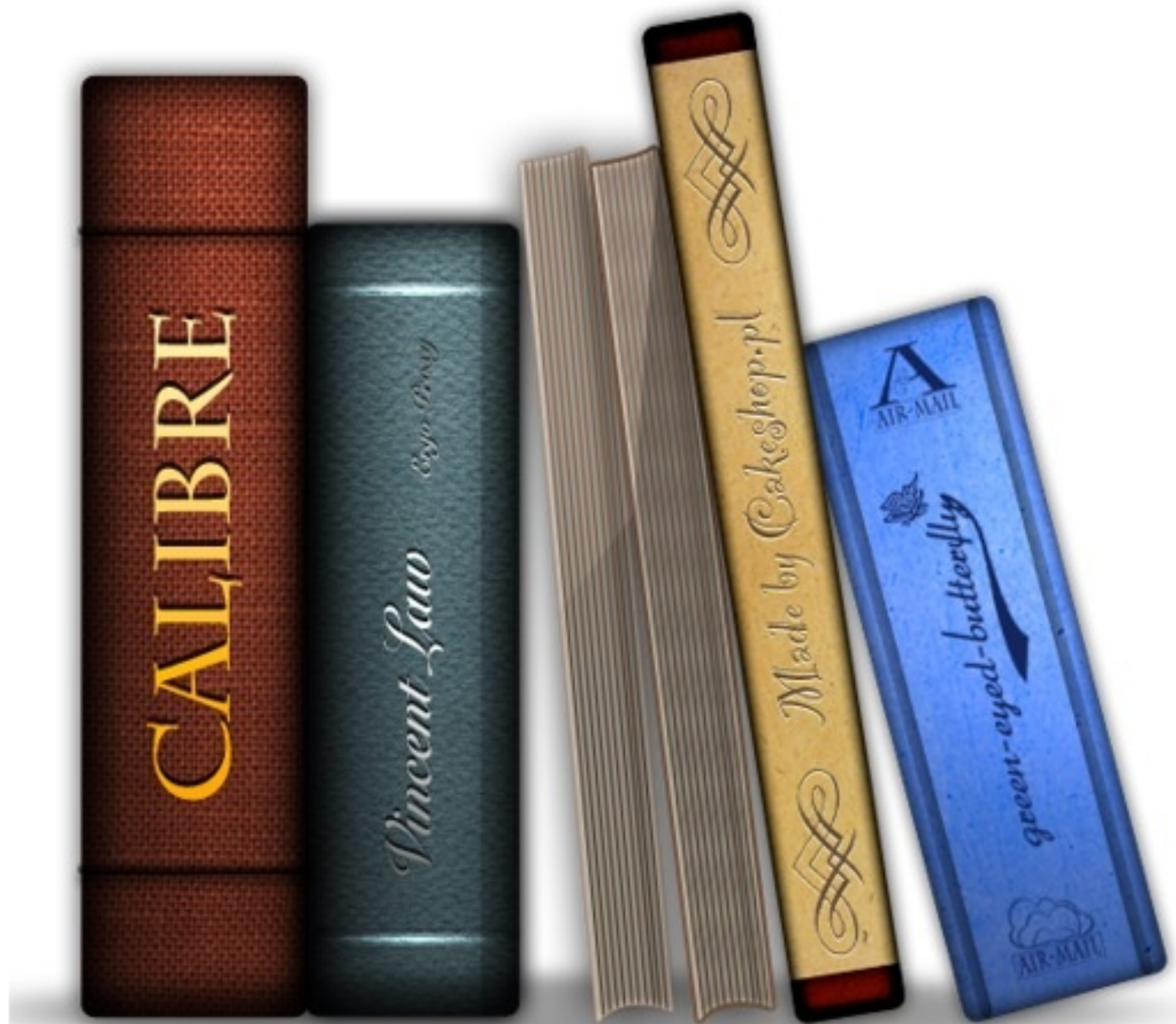

Мустанг-иноходец

Эрнест Сетон-Томпсон

Книга 1 з Рассказы о животных

calibre 0.8.38

- [Эрнест Сетон-Томпсон](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [notes](#)

- [Note1](#)
 - [Note2](#)
 - [Note3](#)
 - [Note4](#)
 - [Note5](#)
-

Эрнест Сетон-Томпсон
Мустанг-иноходец

Джо Калон бросил седло в пыль, пустил лошадей на свободу и с грохотом вошел в дом.

— Обед готов? — спросил он.

— Через семнадцать минут, — отвечал повар, взглянув на часы с важным видом начальника железнодорожной станции.

Повар был всегда чрезвычайно точен на словах, но на деле не соблюдал никакой точности.

— Ну, как дела? — спросил у Джо его товарищ Скрат.

— Превосходно, — отвечал Джо. — Скот, по-видимому, хорош, телят много. Я видел табун мустангов [note 1](#), который ходит на водопой к источнику Антилопы. Есть там и пара жеребят. Один маленький, черненький — красавец, прирожденный иноходец [note 2](#). Я гнался за ним около двух миль, и он все время вел табун, ни разу не сбиваясь с рыси. Я для забавы нарочно погнался лошадей, но так и не сбил его с иноходи!

— А ты не выпил ли чего-нибудь лишнего по пути?

— Сам-то ты разве не ползал вчера на четвереньках?

— Обедать! — крикнул повар, и разговор сразу прекратился.

На следующий день ковбои [note 3](#) перебрались на другое пастбище, и мустанги были позабыты.

Через год скот снова пригнали в этот же уголок Новой Мексики, и ковбои опять увидели табун мустангов.

Черный жеребенок превратился уже в вороного годовалого коня на тонких, стройных ногах, с блестящими боками, и ковбои могли собственными глазами убедиться в странной особенности мустанга: он был в самом деле прирожденным иноходцем.

Джо тоже находился тут, и ему тотчас же пришла в голову мысль, что не худо было бы поймать эту лошадку. Жителя восточных штатов такая мысль не удивила бы, но на западе, где лошади стоят дешево, поимка дикого мустанга не может привлекать ковбоев. Поймать мустанга нелегко, но даже если это удастся, он до конца останется диким животным, совершенно бесполезным и неукротимым.

Многие скотоводы считают даже за правило убивать мустангов, так как мустанги не только портят пастбища, но подчас и уводят за собой домашних лошадей, которые быстро привыкают к дикой жизни и навсегда пропадают.

Дикий Джо Калон превосходно знал лошадей и все их особенности. Он говорил:

— Никогда я не видывал белой лошади, которая не была бы кроткой! Или гнедой — без норова... Ну, а вороная лошадь всегда упряма как осел и зла, как бес. Дай ей когти — и она справится даже со львом!

Итак, если мустанг — совершенно бесполезное животное, то вороной мустанг вдвойне бесполезен. Скрат не видел никакого смысла в желании Джо непременно завладеть и взнуздать этого годовалого мустанга.

Однако на второй год Джо так и не удалось ничего предпринять.

Джо был простым пастухом, он получал двадцать пять долларов в месяц, и свободного времени у него было немного.

Как и большинство его товарищей, ковбоев, он мечтал о том, что когда-нибудь станет обладателем ранчо [note 4](#) и заведет собственное стадо. У него было свое тавро [note 5](#), зарегистрированное должным образом в Санта Фе. Но единственный представитель рогатого скота в его стаде, на которого он мог наложить это тавро, был теленок, родившийся от одной старой коровы.

У Джо было законное право накладывать свое тавро на всякое неклеяемое животное. Однако, когда Джо получал свой расчет осенью, он никак не мог удержаться от соблазна «погулять в городе». Вот почему все его имущество состояло по-прежнему только из седла, постели и старой коровы. Но он не терял надежды, что удастся «выкинуть какую-нибудь штуку», которая даст ему возможность сразу разбогатеть. Однажды его осенила мысль, что вороной мустанг может принести ему счастье, и он стал выжидать удобного случая, чтобы завладеть им.

Но Джо еще ни разу не встречал вороного мустанга, хотя часто слышал о нем, так как жеребенок превратился теперь в сильного молодого трехлетнего коня, который уже обращал на себя внимание.

Источник Антилопы находился в открытой степи, на равнине. Разливаясь, он превращался в маленькое озеро, окруженное осокой; когда же вода спадала, оставалось лишь большое плоское пространство черного ила, на котором местами блестели белые пятна соли, а посередине, в углублении, журчал источник. Вода в нем была хорошая, питьевая. В этой местности не было другого водопоя на много миль кругом.

Эта степь стала излюбленным пастбищем вороного жеребца, хотя она постоянно служила выгоном и для коров и домашних лошадей.

Здесь паслись преимущественно клейменные стада. Управляющий Фостер, совладелец стад, был человек предприимчивый. Он уверял, что,

если здесь развести улучшенные породы домашних животных, доходы повысятся. У него был уже десяток полукровных кобыл, высоких, хорошо сложенных, с глазами лани. Рядом с ними обыкновенные лохматые лошадки казались жалкими заморышами.

Одна из этих красивых кобыл всегда оставалась в конюшне для работы, но девять других, вскормив жеребят, обыкновенно разгуливали на свободе.

Лошадь всегда умеет отыскать дорогу к лучшему пастбищу. И девять кобыл легко нашли путь к источнику Антилопы. Когда позднее, летом, Фостер с товарищем отправился их разыскивать, он скоро их увидел. Но при них находился черный, как уголь, жеребец, оберегавший их, как хозяин. Он носился кругом, сгоняя их вместе, и его блестящая вороная масть резко отличалась от золотистой масти кобылиц.

Кобылицы были кроткого нрава, и, конечно, их нетрудно было бы загнать домой, если бы не вороной жеребец. Он, по-видимому, заразил своей дикостью и кобылиц, и они умчались, оставив далеко за собой неуклюжих лошадок с их всадниками.

Это взбесило обоих скотоводов. Они взялись за ружья и стали выжидать случая застрелить «проклятого жеребца». Но как стрелять, если девять шансов против одного, что пуля попадет в кобылицу?

Целый день прошел в бесплодных попытках. Мустанг-иноходец — это был он — не отпускал от себя своей семьи и вместе с нею скрылся среди южных песчаных холмов.

Раздосадованные скотоводы отправились домой на своих заморенных лошадках, поклявшись отомстить виновнику их неудачи.

Большой вороной конь с черной гривой и блестящими зеленоватыми глазами самовластно распоряжался во всей округе и все увеличивал свою свиту, увлекая за собой кобылиц из разных мест, пока его табун не достиг численности по крайней мере двадцати голов.

Большинство кобылиц, следовавших за ним, были смирные, захудалые лошади, и среди них выделялись своим ростом те девять породистых кобыл, которых вороной конь увел первыми.

Табун этот охранялся так энергично и ревниво, что всякая кобыла, раз попавшая в него, могла уже считаться безвозвратно потерянной для скотовода, и сами скотоводы очень скоро поняли, что мустанг, поселившийся в их области, приносит им слишком большой убыток.

Это случилось в декабре 1893 года. Я был новичком в стране, когда выехал с фургоном из ранчо на Пиньяветитосе по направлению к Канадской реке.

Провожая меня в дорогу, Фостер сказал:

— Смотрите, если вам представится случай увидеть проклятого мустанга, не промахнитесь и всадите в него пулю.

Это было первое, что я услышал об иноходце, и только по пути узнал его историю от моего проводника, Бернса. Я сгорал от любопытства. Мне страстно хотелось увидеть этого знаменитого мустанга, и я был несколько разочарован, когда оказалось, что у источника Антилопы, куда мы пришли на другой день, нет ни мустанга, ни его табуна.

На следующий день, когда мы перешли реку Аламозо Арройо и снова поднимались к волнистой равнине, Джек Берне, ехавший впереди, вдруг припал к шее своей лошади и, повернувшись ко мне, сказал:

— Приготовь ружье! Вон жеребец!

Я схватил ружье и поспешил вперед. Внизу, в овраге, пасся табун лошадей. Среди кобыл стоял большой вороной мустанг.

Он, вероятно, услышал шум нашего приближения и почуял опасность. Он стоял, подняв голову и хвост. Ноздри у него раздулись.

Мустанг показался мне образцом лошадиной красоты, самым благородным конем из всех когда-либо скакавших по степям, и уже одна мысль о том, что этот красавец может превратиться в кучу падали, была мне отвратительна.

Джек убеждал меня стрелять скорее, но я медлил.

Мой вспыльчивый спутник выбранил меня за медлительность. Серdito буркнув: «Дай мне ружье!», он схватил его, но я повернул ружье дулом вверх, и оно нечаянно выстрелило.

Табун встrepенулcя. Вороной мустанг заржал, зафыркал и забегал вокруг табуна. Все кобылицы сгрудились в круг и поскакали вслед за своим вожакoм. Их скрыло облако пыли.

Жеребец скакал то с одной, то с другой стороны табуна. Он следил за каждой кобылой в отдельности и далеко угнал их.

Я не сводил с него глаз, пока он совсем не исчез вдаль; и, насколько я мог судить, он ни разу не сбился с шага.

Джек, конечно, не пожалел крепких выражений для меня, моего ружья

и мустанга. Но, несмотря на его брань, я все же с радостью думал о красоте и силе этого вороного иноходца. Нет, я не стал бы портить его атласную шкуру из-за каких-то уведенных кобыл!

Существует несколько способов ловить диких лошадей. Один из них заключается в том, чтобы пулей задеть лошадь по затылку так, чтобы на миг оглушить ее, и тогда накинуть на нее лассо. Это называется «смять лошадь».

— Да, да! Я видал сотни раз, как люди ломали себе шею при этом, но не видал до сих пор ни одного мустанга, который был бы «смят», — критически замечал Дикий Джо.

Порой, если условия местности позволяют, табун загоняется в кораль (загородку). Имея в своем распоряжении хороших лошадей, можно иногда догнать табун, но самый простой способ, как это ни покажется невероятным на первый взгляд, — это «уходить» мустанга (загнать его до изнеможения).

Слава знаменитого жеребца, который никогда не сбивался с иноходи в галоп, все возрастала. О нем, о его быстроте, о его поступи и чутье, рассказывали самые невероятные истории. Когда же старик Монтгомери из ранчо Треугольник вдруг явился в трактир Уэлса в Улейтоне и в присутствии свидетелей объявил, что даст тысячу долларов за этого жеребца, надежно запертого в фургоне, если только, конечно, все эти рассказы не вранье, то с десяток молодых пастухов загорелись желанием попытаться счастья, как только кончится срок их договоров с хозяевами и они будут свободны.

Дикий Джо решил опередить всех. Больше нельзя было терять времени. И хотя срок его службы еще не кончился, он провел всю ночь в приготовлениях к охоте.

Он взял у приятелей займы немного денег и снарядил экспедицию из двадцати хороших верховых лошадей, кухонного фургона и запасов провизии на две недели для трех человек: самого себя, товарища Чарли и повара.

Покончив с этими приготовлениями, он выехал из Клейтона с твердым намерением «уходить» чудесного, быстрого иноходца. На третий день он уже достиг источника Антилопы и, так как приближался полдень, несколько не удивился, увидев, что вороной иноходец спускается к водопою вместе со всем своим табуном.

Джо спрятался и не показывался до тех пор, пока все лошади не напились, так как он знал, что животное, испытывающее жажду, всегда

бежит лучше, нежели то, которое отяжелело от выпитой воды.

После этого Джо, выйдя из засады, спокойно поехал вперед. Мустанг подал сигнал к тревоге примерно за полмили от него и тотчас же погнал свой табун к юго-востоку, в заросли. Джо галопом помчался за табуном, пока снова не увидел его, затем вернулся и приказал повару, исполнявшему также обязанности кучера, ехать на юг, к реке Аламозо Арройо. Сам же он снова отправился к юго-востоку, следом за мустангом.

Проехав мили две, он опять увидел иноходца. Пустив шагом свою лошадь, он подъехал к лошадям так близко, что табун испугался и ускакал к югу. Но Джо поскакал наперерез и через час снова встретил табун. Он незаметно приблизился к лошадям, и опять повторилось то же самое: новая тревога и бегство. Так прошел весь день.

Мустанги описывали круги, постепенно двигаясь к югу, и, когда солнце уже спустилось к горизонту, они находились — на это и рассчитывал Джо — опять вблизи реки Аламозо Арройо. Мустанги снова были у него под рукой, и Джо, спугнув их еще раз, вернулся к фургону. Его товарищ, отдохавший до тех пор, продолжал погоню на свежей лошади.

После ужина фургон двинулся к верхнему броду на Аламозо, как было условлено раньше, и там Джо расположился на ночлег.

Между тем Чарли следовал за табуном. Дикая лошадь не убегала так стремительно, как вначале, потому что их преследователь не подавал виду, что хочет напасть на них, и они мало-помалу стали привыкать к его присутствию. Их легче было найти с наступлением сумерек, так как в табуне была одна кобыла светлее других, выделявшаяся в темноте. Молодой месяц тоже помогал преследовать табун, и Чарли, полагаясь на чутье своей лошади, предоставил ей выбирать дорогу и спокойно скакать за табуном, среди которого виднелась, точно призрак, светлая кобыла. Наконец все потонуло в ночной темноте. Тогда он слез с лошади, расседлал ее и оставил пастись, а сам, завернувшись в одеяло, быстро заснул.

При первых же лучах зари Чарли был уже на ногах и с помощью светлой кобылы скоро нашел табун, проехав не более полумили. Увидев его, иноходец громко заржал, и табун обратился в бегство.

Но на первом же пригорке лошади остановились, чтобы посмотреть, кто это так упорно их преследует. Через минуту мустанг, решив, вероятно, что он узнал уже все, что ему нужно, распустил гриву по ветру и двинулся вперед своей неутомимой, ровной иноходью, словно черный метеор, увлекающая за собой весь табун.

Лошади повернули к западу, и после нескольких повторений той же самой игры — бегства, погони, встречи и снова бегства — они достигли

около полудня старой сторожевой вышки индейцев. Там их подстерегал Джо. Длинная, тонкая струйка дыма дала знать Чарли, что его ждут, и Чарли тотчас же дал ответный сигнал при помощи своего карманного зеркальца, отражавшего солнечные лучи. Джо вскочил на свежую лошадь и пустился в погоню, а Чарли сел поесть и отдохнуть.

Весь следующий день Джо гнал мустангов, стараясь удерживать их на окружности большого круга, по хорде которого двигался фургон. Перед заходом солнца он подъехал к переправе, где уже ждал его Чарли со свежей лошадей и пищей. Джо продолжал погоню весь вечер и даже часть ночи. Дикий табун, по-видимому, немного уже начал привыкать к присутствию безвредных незнакомцев. Кроме того, сказывалось и утомление. Табун уже не находился более в степях с хорошей, сочной травой, а лошади преследователей получали овес. Давало себя чувствовать также и постоянное нервное напряжение. Оно лишало диких лошадей аппетита, но усиливало жажду. Преследователи давали лошадям возможность пить много и часто. Напившейся лошади трудно бежать: ноги у нее становятся точно деревянные и дыхание затрудняется. Джо поэтому почти не поил свою лошадь. И он и его конь были вполне свежи, когда наконец остановились на ночлег.

На рассвете Джо легко отыскал мустангов. Они вначале пустились бежать, но скоро пошли шагом. Сражение, по-видимому, было уже почти выиграно, так как главная трудность такого преследования заключается в том, чтобы не терять из виду мустангов первые два-три дня, пока они еще не утомлены.

Все это утро Джо не упускал из виду табун и почти постоянно находился вблизи от него. Около десяти часов утра Чарли сменил его у горы Хозе. В этот день мустанги ушли от него вперед всего на четверть мили и передвигались уже далеко не с такой легкостью, как раньше.

К вечеру Чарли сел опять на свежую лошадь и продолжал погоню, как и раньше.

На следующий день мустанги шли уже понуриив головы, и, несмотря на все усилия вороного иноходца, временами расстояние, отделявшее их от погони, было не более ста шагов.

Четвертый и пятый день прошли так же. Табун уже опять приближался к источнику Антилопы. До сих пор все все шло так, как предполагалось: погоня описывала большой круг, фургон же двигался внутри по меньшему кругу. Дикий табун возвращался к источнику совершенно утомленный, охотники же ехали бодрые, на свежих лошадях.

В течение всего этого дня, до самого вечера, мустангов не подпускали

к воде, а когда их наконец пригнали к источнику Антилопы, то дали им вволю напиться. Тут наступил для искусных охотников, лошади которых получали овес и берегли силы, ожидаемый миг столь долгой погони. Опившихся лошадей нетрудно бывает поймать и стреножить.

До сих пор все шло блестяще. Но вороной жеребец был как будто выкован из железа. Его непрерывный, плавный шаг не изменился и оставался все таким же, как в первый день охоты. Он постоянно скакал взад и вперед вдоль табуна, побуждая его ржаньем и собственным примером к бегству. Но силы лошадей уже истощились. Светлая кобыла, помогавшая охотникам отыскивать табун в темноте, была покинута табуном уже несколько часов назад и находилась при последнем издыхании. Остальные кобылы, по-видимому, уже потеряли всякий страх перед всадниками, и было ясно, что скоро они станут добычей Джо.

А жеребец, который был целью всех трудов, оставался недостижимым по-прежнему.

Товарищи Джо хорошо знали его вспыльчивый нрав и несколько не удивились бы, если бы он в припадке внезапной ярости попытался застрелить непобедимого вороного жеребца. Но Джо был далек от этой мысли.

В течение всей недели гоняясь за ним, он ни разу не видел, чтобы вороной скакал галопом. Джо испытывал восхищение, свойственное всякому хорошему наезднику перед такой чудесной лошастью; это восхищение все возрастало, и он скорее готов был застрелить свою собственную лучшую лошадь, нежели это великолепное животное.

Стоило ли даже брать награду, назначенную за его поимку? Джо начинал колебаться. Сумма была не маленькая, но эта лошадь уже сама по себе представляла капитал, так как могла стать родоначальником породы иноходцев.

Но мустанг, за которого была назначена награда, все еще бегал на воле. Нужно было кончать охоту.

Джо оседлал свою лучшую лошадь. Это была кобыла восточной крови, но выросшая в прериях. Конечно, Джо никогда не мог бы приобрести такую прекрасную лошадь, если бы не одна странная слабость, которой она была подвержена. В этих краях растет ядовитая трава, называемая локо. Обычно скот никогда не ест этой травы, но если случайно какое-нибудь животное попробует ее, то оно начинает отыскивать ее повсюду. Действие этой травы отчасти похоже на действие морфия, и лошадь, пристрастившаяся к ней, года через два погибает от бешенства. Про такое животное местные жители говорят, что оно «одержимо локо». И лучшая

лошадь Джо имела в глазах дикий блеск, который указывал знатоку, в чем тут дело. Но это была сильная и проворная лошадь, и поэтому Джо выбрал ее для окончания охоты.

Джо поскакал вперед, к табуну. Он бросил лассо на землю, потащил его за собой, чтобы выровнять веревку, затем обмотал его аккуратными петлями вокруг ладони левой руки и, в первый раз за всю охоту пришпорив лошадь, пустился прямо к жеребцу.

Началась бешеная скачка. Перепуганные кобылы бросились в разные стороны, уступая дорогу. Свежая лошадь скакала галопом по степи, а впереди нее, сохраняя прежнее расстояние, бежал жеребец, как и прежде не сбиваясь со своей знаменитой иноходи.

Это было просто невероятно. Джо подстрекал и голосом и шпорами свою лошадь. Она летела, как птица, но расстояние между нею и жеребцом не уменьшалось ни на один дюйм.

Вороной миновал равнину и холм, поросший травой, спустился на предательскую песчаную поляну и оттуда — в луговую полосу, где его встретили лаем сурки. Джо скакал вслед за ним. Он едва верил своим глазам. Расстояние между ними и жеребцом не только не уменьшилось, но даже как будто увеличилось. Джо проклинал судьбу, шпорил и понукал свою бедную лошадь и довел ее наконец до крайнего возбуждения. Глаза несчастного животного блуждали, голова качалась в разные стороны, и лошадь уже не смотрела на землю, не выбирала дорогу. И вдруг нога ее провалилась в барсучью нору. Лошадь упала, а вместе с нею полетел на землю и всадник. Джо больно ушибся, но все же поднялся на ноги и попытался поднять свою ошеломленную лошадь. Бедняжка сломала себе ногу.

Джо прекратил выстрелом из револьвера страдания своей легконогой лошадки и отнес седло назад в лагерь. А иноходец между тем продолжал бежать, пока не скрылся из виду...

Нельзя было все же считать это поражением, так как у них в руках оказались кобылы. Джо вместе с Чарли отвел их в кораль, к их хозяину, и потребовал хорошей награды.

Но для Джо этого было мало. Он мечтал овладеть жеребцом. Теперь, когда ему стали известны все его достоинства, он старался придумать какой-нибудь новый план.

Поваром в этой поездке был Бэтс — мистер Томас Бэтс, как он называл себя в почтовом отделении, куда являлся регулярно за письмами и денежными переводами, которых никто никогда и не думал посылать ему. Ковбои прозвали его Том Индюшиный След, потому что его тавро имело форму индюшиного следа. Бэтс уверял, будто это клеймо носят на своих боках бесчисленные стада коров и лошадей, пасущиеся среди неведомых северных равнин.

Когда Бэтсу предложили участвовать в этой экспедиции пайщиком, он насмешливо заметил, что лошадей продают теперь по двенадцати долларов за дюжину. Действительно, в том году лошади стоили очень дешево, поэтому он предпочел получать жалованье, хотя бы и очень небольшое.

Но никто, видевший хотя бы только один раз иноходца, не мог остаться к нему равнодушным. Так случилось и с Индюшиным Следом. Теперь он сам пожелал сделаться хозяином этого мустанга, однако не знал, как добиться этого. Но однажды он повстречался с неким Биллом Смитом, более известным под кличкой Билл Подкова, потому что тавро его скота имело форму подковы. Поедая мясо и хлеб, запивая его дрянным кофе, Билл Подкова сказал:

— Я видел сегодня этого иноходца, да притом так близко, что мог бы заплести ему хвост!

— И ты не стрелял?

— Чуть было не выстрелил.

— Дурак! — вмешался сидящий на другом конце стола пастух, владевший тавром «двойное Н». — Я думаю, что этот жеребец будет носить мое тавро еще до новолуния.

— Тебе придется поспешить, иначе ты найдешь «треугольник с точкой» у него на боку, когда снова с ним встретишься.

— Где же ты встретил его?

— Вот как было дело. Я ехал по степи у источника Антилопы и вдруг увидел, что на высохшем иле среди зарослей камыша что-то лежит. Я думал, что это какая-нибудь корова из нашего стада, подъехал ближе и увидел лошадь, лежавшую плашмя. Ветер дул от нее ко мне, и потому я мог подъехать совсем близко. И что же я увидел? Это был иноходец, мертвый, как пень! Однако он не был вздут, как это бывает с трупом, и я не заметил, чтобы он был ранен. Не ощутил я также и никакого дурного запаха. Я не

знал, что и думать, как вдруг, вижу, он дернул ухом, на которое села муха. Тут я понял, что он не мертв, а только спит. Тогда я снял веревку и свернул ее, но тут заметил, что веревка стара и перетерлась местами. Подпруга была у меня тогда одна, и я подумал, что моя лошадь весит около семисот фунтов, а жеребец — тысячу двести. Поэтому я и сказал себе: «Не стоит пробовать! Я только порву подпругу, упаду сам и потеряю седло». Я стукнул по луке седла рукояткой плети — и... посмотрели бы вы на мустанга! Он подскочил в воздух по крайней мере на шесть футов и бросился со всех четырех ног, фыркая, точно паровоз. Его глаза готовы были выскочить, и он мог ускакать прямо в Калифорнию. Он уже там, должно быть, если только не убавил хода. Но я клянусь, что он ни разу не сбился с иноходи!

Рассказ этот Билл то и дело пересыпал разными крепкими словечками. При этом он усердно жевал и глотал, так как был человек здоровый. Все ему поверили, потому что Билл пользовался репутацией надежного парня, которому можно верить. Из присутствовавших один только старик Индюшиный След ничего не сказал, но слушал он, как видно, внимательнее всех, так как рассказ этот подсказал ему новый план.

Покуривая свою послеобеденную трубку, он обдумал этот план как следует, но, решив, что ему одному не справиться с ним, посвятил в свою тайну Билла Подкову. Таким образом, составилось новое товарищество для ловли иноходца, или, другими словами, для получения награды в тысячу долларов, обещанных за него.

Источник Антилопы оставался по-прежнему привычным водопоем для мустанга. Уровень воды упал, и между осокой и водоемом образовался широкий пояс высохшего черного ила. В двух местах этот пояс пересекали тропинки, проложенные дикими животными, приходившими сюда на водопой. Лошади и дикие звери обыкновенно придерживаются таких тропинок, рогатый же скот пробирается прямо сквозь заросли осоки.

Выбрав одну из этих тропинок, оба приятеля взялись за работу и выкопали лопатами яму длиной в пятнадцать футов, шириной в шесть и глубиной в семь. Им пришлось проработать двадцать часов без отдыха, так как надо было все закончить в промежутке между двумя водопоями мустанга. Работа была очень тяжелая. Когда яма была вырыта, ее искусно закрыли жердями, хворостом и землей, так что она стала совсем незаметной. Покончив с этим делом, оба приятеля спрятались на некотором расстоянии в ямах, приготовленных ими для себя.

Около полудня к водопою явился иноходец. Он был теперь один, так как его табун находился в плену. У противоположной стороны источника

была вторая тропинка, но, судя по следам, лошади редко пользовались ею. И все же старый Том из осторожности забросал ее камышом, чтобы иноходец непременно пошел по той тропинке, где была вырыта яма.

Какой недремлющий гений охраняет безопасность диких животных? Иноходец пошел не через яму, а через камыши. Он спокойно подошел к воде и начал пить.

Ловцам оставалось еще одно средство. Когда иноходец наклонил голову, чтобы вторично потянуть воду, Бэтс и Смит выскочили из своих ям, быстро забежали в тыл мустангу и выстрелили из револьвера в землю позади него.

Мустанг понесся своей знаменитой иноходью прямо к устроенной для него западне. Еще секунда — и он должен попасть в яму! Вот он бежит по тропинке, где вырыта яма... Охотники считают его уже пойманным. Он скоро будет в их руках.

Но свершилось невероятное. Одним могучим прыжком иноходец перескочил яму и, взрывая землю копытами, исчез вдали. Он умчался, чтобы не возвращаться больше к источнику Антилопы.

Дикий Джо был человек предприимчивый. Он хотел во что бы то ни стало поймать мустанга и, когда узнал, что и другие тоже добиваются этого, немедленно приступил к выполнению нового плана. Он решил испробовать тот способ, к которому прибегает шакал, чтобы поймать быстрого кролика, а индеец — чтобы поймать антилопу. Этот старинный способ называется «охотой с подставой».

Область, по которой бродил мустанг-иноходец, представляла собой треугольник в шестьдесят квадратных миль, ограниченный с юга и с севера реками, а с запада — горами. Предполагалось, что мустанг никогда не уходит за пределы этой области, а источник Антилопы всегда служит ему главной квартирой.

Джо хорошо знал эту местность. Он изучил все ее родники и все ущелья.

Если бы он имел в своем распоряжении пятьдесят хороших лошадей, он мог бы распределить их таким образом, чтобы все важные пункты оказались занятыми. Но он смог бы получить только двадцать хороших лошадей и столько же хороших всадников. На большее ему рассчитывать не приходилось.

Лошадей кормили овсом в течение двух недель до начала охоты. Затем они были посланы вперед, и каждому из всадников были даны подробные указания, что ему надо делать. Они были на своих местах за сутки до погони.

В назначенный день Джо отправился вместе с фургоном к источнику Антилопы и, остановившись в стороне, в маленькой ложбине, стал дожидаться событий.

Наконец он явился, этот черный, как уголь, жеребец. Он пришел одинокий из-за южных песчаных холмов и спокойно спустился к источнику. Он обошел его сначала кругом, разнюхивая, не спрятался ли там какой-нибудь враг. Затем он подошел к воде в таком месте, где совсем не было тропы, и начал пить.

Джо смотрел на него и желал, чтобы он поглотил как можно больше воды — целую бочку. В тот момент, когда мустанг повернулся, чтобы пощипать траву, Джо пришпорил свою лошадь. Мустанг услышал стук копыт, увидел всадника и умчался.

Он направился прямо к югу все той же знаменитой развалистой

иноходью. Расстояние между ним и его преследователем все увеличивалось. Достигнув песчаных холмов, он помчался дальше, сохраняя свой правильный шаг. Переутомленная лошадь Джо проваливалась в песок на каждом шагу и отставала все больше и больше.

Дальше было ровное место, где лошадь Джо могла несколько наверстать потерянное расстояние, но затем начался длинный спуск, по которому лошадь не решалась бежать во всю прыть и снова стала отставать.

Однако Джо продолжал скакать за иноходцем, не щадя ни хлыста, ни шпор. Одна миля... другая... третья... И вот уже вдали виднеются скалы Арриды.

Там Джо ждали свежие лошади, и он с новой энергией помчался дальше. Но темная, как ночь, грива, развеваясь по ветру, отдалялась от него все больше и больше.

Вот наконец и ущелье Арриды. Ковбой, карауливший там, спрятался, и мустанг пронесся мимо; он вихрем пролетел сначала вниз, потом вверх по склону, продолжая бежать все той же неизменной иноходью.

Джо, вскочив на свежего коня, помчался вниз, потом вверх. Еще и еще прищпоривая лошадь, он скакал, скакал и скакал, но не мог сократить расстояние ни на один шаг.

«Га-лумп, га-лумп, га-лумп...» — мерно отбивал копытами иноходец, не замедляя шага. Прошел час, другой, третий — и уже недалеко впереди показался Аламозо Арройо, где Джо ожидала подстава. Он кричал на свою лошадь, он всячески понукал ее. Вороной жеребец мчался как раз к намеченному месту, но, не добежав до него последних двух миль, он вдруг, точно повинувшись какому-то странному предчувствию, свернул влево. Чувствуя, что мустанг ускользает, Джо что есть силы гнал свою измученную лошадь, стараясь во что бы то ни стало опередить его. Это была чрезвычайно трудная скачка. У Джо прерывалось дыхание. Кожа седла скрипела при каждом прыжке. Летя наперерез, Джо как будто начал нагонять иноходца. Тогда он взял ружье и стал выпускать пулю за пулей, чтобы поднять клубы пыли, чем наконец вынудил иноходца свернуть направо, к переправе.

И вот они спустились к реке. Мустанг понесся дальше, а Джо соскочил на землю. Его лошадь уже окончательно выбилась из сил, проскакав тридцать миль, да и сам Джо чувствовал себя не лучше. Глаза у него воспалились от едкой пыли, и он, почти ничего не видя перед собой, махнул рукой Тому и крикнул, чтобы он перешел вброд через Аламозо и продолжал погоню.

Новый всадник понесся вскачь на свежей, крепкой лошади вверх и вниз по волнистой равнине, а вороной жеребец мчался перед ним. Он весь покрыт был пятнами белоснежной пены, а шумное дыхание и бурно вздымавшиеся бока явно указывали, что ему тоже приходится нелегко. Но он все-таки продолжал мчаться...

Сначала Том как будто выиграл расстояние, но потом стал отставать. Но тут его сменил другой всадник, на свежей лошади. Погоня повернула к западу, миновала поселения сурков и продолжалась через чащу мыльной травы и кактусов, коловших своими шипами ноги лошадям.

Вороной жеребец стал гнедым от пота и пыли, но с иноходи не сбился. Молодой ковбой хотел заставить свою лошадь перескочить через ров, но прыжок не удался, и оба, всадник с лошастью, покатались вниз... Юноша уцелел, но лошадь разбилась, и по сию пору труп ее валяется во рву. А дикий вороной жеребец несся дальше...

У ранчо старика Галлего сам Джо, успевший отдохнуть, повел погоню, и не прошло и получаса, как он уже гнался по следу иноходца.

Вдали на западе виднелись горы Карлоса. Там его ждало подкрепление — свежие лошади и люди. Зная это, неутомимый всадник постарался повернуть погоню к западу. Но иноходец, повинувшись внезапной фантазии, а быть может, и внутреннему предчувствию, круто повернул к северу. Его неутомимый искусный преследователь продолжал мчаться за ним, крича и подстрекая свою лошадь и поднимая выстрелами пыль.

Черный метеор понесся вниз, по склону холма, и Джо не оставалось другого выбора, как только следовать за ним.

Тут началась самая трудная и мучительная часть погони. Джо, жестокий к мустангу, был еще более жесток к своей лошади и к себе. Солнце жгло немилосердно, раскаленная степь заволоклась словно дымкой от палящего зноя; глаза Джо горели, и губы потрескались от соленой, едкой пыли. А охота все продолжалась. Единственный шанс на успех заключался в том, чтобы загнать мустанга назад, к большой переправе на реке Аламозо Арройо.

Впервые за все время погони Джо начал подмечать признаки утомления у вороного жеребца. Его хвост и грива уже не развевались, как раньше, и короткое расстояние в полмили, отделявшее его от Джо, уменьшилось наполовину. Но он все же был впереди и бежал, бежал, бежал все той же иноходью...

Прошел час, прошел другой, а жеребец все бежал. Однако они уже свернули с прямой линии. К вечеру, проскакав целых двадцать миль, они приблизились к большому броду на Аламозо Арройо. Джо не отставал. У

брода он перескочил на дожидавшуюся его свежую лошадь и помчался дальше.

Оставленная им лошадь, задыхаясь, бросилась к воде и пила до тех пор, пока не свалилась замертво.

Джо немного задержался, надеясь, что и вороной тоже обопьется воды. Но не тут-то было! Он сделал только один глоток и с плеском переправился через брод на другую сторону. За ним по пятам понесся Джо. Последнее, что видели товарищи Джо, была бешеная скачка: впереди, как стрела, мчался недостижимый вороной, а за ним скакал Джо...

Утром Джо вернулся в лагерь пешком. Его история была коротка: в результате восемь лошадей загнаны до смерти, пять человек совершенно выбились из сил, а необыкновенный мустанг-иноходец по-прежнему здоров и невредим и разгуливает на воле.

— Тут ничего не поделаешь! Догнать его нельзя, и я жалею, что не продырявил его проклятую шкуру, когда мог это сделать! — заявил Джо и отказался от дальнейших попыток поймать иноходца.

В этой последней экспедиции поваром опять был старый Индюшиный След. Он следил за погоней с таким же интересом, как и все другие, и когда Джо потерпел неудачу, он только ухмыльнулся, заглядывая в котел, и проворчал себе под нос:

— Будь я проклят, если этот мустанг не будет мой!

От постоянного преследования иноходец одичал еще больше. Но он все-таки неизменно возвращался к источнику Антилопы. Это было единственное совершенно открытое место для водопоя, вокруг которого не было на расстоянии целой мили ничего такого, что могло бы служить прикрытием для врага. Мустанг являлся сюда ежедневно около полудня и, тщательно высмотрев все кругом, приближался к источнику.

Лишенный своего табуна, он всю зиму прожил одиноко. Старый Индюшиный След это хорошо знал и на этом строил свои расчеты. У одного из его приятелей была славная гнедая кобыла. Захватив с собой крепкие лошадиные путы, лопату, запасное лассо и толстый столб, старый повар оседлал эту кобылу и направился на ней к источнику.

Несколько антилоп скакали по степи, коровы лежали в траве, звенела песня жаворонка. Ясная, бесснежная зима в этих равнинах уже миновала, и весна приближалась быстрыми шагами.

Том привязал маленькую гнедую кобылу, чтобы дать ей пощипать траву, но она беспрестанно задирала голову кверху, испуская долгое призывное ржанье.

Старый Индюшиный След стал подробно изучать направление ветра и всю местность. Вот тут еще осталась яма, которую он помог выкопать. Теперь она была открыта и полна тухлой воды, в которой плавали дохлые сурки и мыши. Животные, приходящие на водопой, проложили себе новую тропу.

Выбрав поросшую осокой кочку среди ровной зеленой полянки, повар прочно вкопал в нее столб, затем вырыл яму, достаточно большую, чтобы можно было в ней спрятаться, и разостлал на дне ее свое одеяло.

Укоротив путы маленькой гнедой кобылы так, чтобы она едва могла двигаться, он растянул на земле лассо, привязал его длинным концом к столбу и прикрыл веревку землей и травой. Покончив с этим, он залез в свою нору.

Около полудня, после долгого ожидания, призывно ржавшая гнедая

кобыла наконец дождалась ответа. С высоких холмов на западе раздалось точно такое же ржанье, и, чернея на фоне неба, появился знаменитый мустанг.

Он приближался своей мерной развалистой иноходью, но часто подозрительно останавливался, осматривался и подавал голос. Ржанье кобылы, вероятно, находило отклик в его сердце. Он подошел еще ближе, опять заржал, но вдруг встревожился и стал бегать большими кругами — вероятно, чтобы узнать, нет ли поблизости врага. Но тут гнедая кобыла снова заржала. Мустанг описал еще один круг, приблизивший его к ней, и тоже заржал. Ее ответ, по-видимому, заглушил все страхи, и сердце его загорелось.

Он гарцевал, приближаясь к Солли, гнедой кобыле, пока не прикоснулся носом к ее носу.

Переступая с ноги на ногу и гарцуя вокруг Солли, он на миг ступил задней ногой в роковую петлю. Том быстро дернул веревку, петля затянулась, и мустанг был пойман за ногу.

Страх удвоил силу коня. Он отпрянул, но веревка не пустила его, и он свалился, беспомощный, побежденный.

Безобразная, маленькая сгорбленная фигурка старого Тома вынырнула из ямы. Он победил великолепное создание природы. Мощная сила коня оказалась бессильной против ума и изобретательности маленького, слабого старичка. Мустанг фыркнул и отчаянно боролся, стараясь вырваться на волю, но все было напрасно: веревка крепко держала его.

Том быстро бросил второе лассо, которое обмотало передние ноги мустанга. Затем искусным движением Том стянул ему все ноги вместе. Разъяренное животное через минуту лежало на земле, беспомощное и связанное, как боров.

Несчастный иноходец продолжал биться еще долго, пока окончательно не изнемог. Все тело его сотрясалось от судорожных рыданий, и по морде скатывались слезы.

Том стоял и смотрел, и в душе этого старого пастуха происходило что-то странное. Он весь дрожал, с головы до ног, чего не бывало с ним с тех пор, как он в первый раз бросил лассо и поймал своего первого быка. И теперь он несколько минут не мог двинуться с места и только стоял и смотрел на своего замечательного пленника.

Однако чувства эти скоро рассеялись. Том оседлал свою кобылу, сыгравшую роковую роль, и взяв новое лассо, надел его мустангу на шею. Он поставил кобылу возле жеребца. Уверенный, что мустанг уже больше не ускользнет от него, Том хотел распустил веревки, но тут ему в голову

пришла внезапная мысль. Ведь он совершенно забыл про одно важное обстоятельство и начал дело, не имея всех нужных приспособлений.

По законам Запада, дикий мустанг становится собственностью того, кто первый наложит на него свое тавро. Но как это сделать теперь для доказательства своих прав на этого иноходца, когда ближе чем за двадцать миль не найти прибора для клеймения скота?

Однако старый Том был изобретателен. Подойдя к своей кобыле, он по очереди осмотрел ее копыта и каждую подкову. Действительно, одна из подков некрепко сидела и немного шаталась. Том стал ее раскачивать и отделять от копыта, пока наконец не сбил совсем.

Найти топливо для костра на этой равнине было нетрудно. Хворосту и сухой травы было достаточно, поэтому можно было быстро разложить костер. Том взял подкову, завернул один ее конец в свой носок, а другой раскалил докрасна на огне. Сделав это, он приложил его к левому плечу беспомощного мустанга и выжег на нем грубое клеймо Индюшиного Следа — свое клеймо, впервые примененное по назначению.

Мустанг вздрогнул, когда раскаленное железо коснулось его тела. Но дело было быстро сделано, и гордый, свободный иноходец был заклеямен, как домашняя лошадь.

Теперь оставалось только отвести его домой. Том распустил веревки. Мустанг, почувствовал это, вообразил, что он уже свободен: он вскочил на ноги, рванулся, но тотчас же опять повалился. Его передние ноги были крепко связаны вместе, и он мог двигаться только подпрыгивая. Когда он пытался бежать, связанные ноги мешали ему, и он падал. Том на своей легконогой кобыле старался увести его за собой. Он тащил его, понукал и всячески принуждал идти, но строптивый, разъяренный и покрытый пеной пленник не хотел покориться. Он дико ржал и яростно фыркал, делая бешеные скачки и пытаясь вырваться на волю.

Это был долгий и жестокий поединок. Блестящие бока мустанга потускнели от пены, смешанной с кровью. Он падал бесчисленное количество раз. Он устал от долгих дней погони и сильно ослабел. Он бросался то в одну, то в другую сторону, но его порывистые скачки становились все слабее и вылетающая из ноздрей пена окрашивалась кровью. А победитель, беспощадный, властный, холодный, все понукал его, заставляя идти вперед.

Борясь за каждый шаг, они уже спустились по склону к ущелью и достигли начала тропы, идущей вниз, к единственной переправе через ущелье. Тут была крайняя северная граница прежних владений иноходца. Отсюда уже можно было видеть ограду и ранчо. Том ликовал, но мустанг

собрал остаток своих сил для последней, отчаянной попытки вернуть свободу. Разорвав веревки, он бросился вверх по откосу и летел все выше и выше, несмотря на свистнувшую в воздухе веревку, несмотря на выстрел, пущенный в напрасной надежде остановить его и прекратить безумную скачку.

Все выше и выше взбирался мустанг и достиг отвесного утеса. Оттуда он прыгнул вниз, в пропасть, и летел, сорвавшись с высоты двухсот футов, все вниз и вниз... пока не свалился наконец на камни. Он остался лежать там бездыханный, но... свободный.

notes

Note1

мустанг — дикая лошадь

Note2

конь, который в беге один шаг делает одновременно двумя левыми ногами, другой — двумя правыми

Note3

ковбой — пастух, стерегущий стада верхом на лошади

Note4

ферма в американских степях

Note5

клеймо